

ЯЗЬКА

НОВЕЛЛА

МАМА пришла, и я побежал к ней в коридор с криком: «Ты принесла?!» Я всегда так кричал, когда она приходила. А по утрам просил: «Принеси мне что-нибудь». Это Что-нибудь редко представлялось мне какой-либо конкретной вещью. Что-нибудь было страшно интересным, просто до ужаса интересным, оно никогда не надоело бы мне, никогда, но какое оно, я не знал. Может быть, у него было много зубчатых колесиков, как у моего танка, крышку с которого я оторвал. Танк был трофейный, немецкий, его привезла с фронта тетя Рита. Но танк уже надоел, и я все просил: «Мама, принеси мне Что-нибудь».

Она приносила иногда. Книжку, конфеты, немудреную игрушку. Мудреных, таких, как сейчас, после войны не было. Я смотрел книжку, раскрашивал в ней картинки, ел сласти, исследовал внутренности игрушек, но все это с каким-то неудовлетворением. «Вот если б что-нибудь другое!».

Что-нибудь... Это неясное понятие прочно сидело тогда в моей голове.

Мама пришла, и я, как всегда, побежал к ней. В одной руке у нее был обычный портфель, в другой — сетка-авоска, а в сетке лежало... Что-нибудь. Оно лежало, смотрело на меня круглым черным глазом и молча дышало.

— Вот что я достала! Будет пирог и уха.

Что мама сказала, я не понял. Я просто не мог ничего понимать, не мог слушать и говорить.

— Ну, что, разве ты не видал никогда рыбу? Пусти же, я пройду.

«Рыба. Да ведь это рыба, рыба похожая на тех— в тяжелой книге с золотыми буквами на корочке».

Мама положила рыбу на дно ванны и открыла кран. Вода падала, и брызги струйками стекали с белых эмалевых стенок. Рыба лежала на боку и по-

прежнему смотрела на меня своим черным глазом. Вода уже залила ее и поднималась выше.

— Как ее зовут?

— Эта рыба называется язь.

«Язь. Как-то не по-настоящему. Кота мы тоже зовем Вась-Вась, а полностью он же Васька».

— Мам, Язька?

Но мама уже ушла на кухню.

— Язька!— тихонько позвал я. И рыба вдруг повернулась спиной вверх, хвост и плавники ее зашевелились.

— Язька! Язька!— еще раз позвал я. И Язька медленно двинулся вдоль ванны, туда, где падала из крана струя воды. Постоял под струей и неожиданно прыгнул вверх, плюхнулся обратно, обрызгав меня. Он думал, что свобода там, откуда льется вода.

Осмелев, я засунул руку в ванну и дотронулся до рыбы. В холодной воде ее бока казались немного теплыми.

МАЛЕНЬКИЙ мальчик вышел из подъезда и оказался один на один с огромным и пустым двором. Таким он еще не видел свой двор: в нем никого не было, ни одной души. И это больше всего поразило и испугало мальчика. Ведь днем он привык видеть тут множество людей. А сейчас—никого. И каждое окно каждого большого дома смотрит только на тебя.

Был тот момент утра, когда солнце еще не взошло, не проснулись воробьи и не начали пылить метлами дворники.

Мальчик пошел вперед. Обени руками он прижимал к себе промокший газетный сверток. Было тяжело нести, было холодно и было страшно. Двор молчал. Казалось, ему не будет конца. И тут мальчик подумал: а вдруг он умер?! И прямо на асфальте развернул сверток. Рыба дышала.

— Потерпи еще, Язька!

Наконец, двор кончился. Теперь—вниз по улице. Мальчик побежал, ему уже было не так страшно. Впереди он видел реку. Огромную, медленно текущую, туманную реку.

Рыба лежала на воде хвостом к берегу. Мальчик подтолкнул ее вперед.

— Плыви!

И она поплыла. Вначале на боку, потом перевернулась.

— До свидания, Язька!

Рыба сильно махнула хвостом и пошла в глубину. Вставало солнце.

МНЕ влетело от мамы: ведь из рыбы получилось бы так много пирога и ухи. Но больше я никогда не просил принести Что-нибудь. Я просто понял, что на свете есть рыбы с теплыми боками, дворы, в которых нет ни одного человека, молчащие окна, реки в белом тумане и тысячи других прекрасных вещей, каждая из которых намного интересней загадочного Что-нибудь.

А. ЛЕЙФЕР.